

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ  
И  
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

**2011 – 2 (224)**

Научно-информационный бюллетень  
Издается с 1992 года

Москва  
2011

**Валентина Николаевна Сченснович**  
**Россия и мусульманский мир № 2 / 2011**

Серия «Научно-информационный бюллетень  
«Россия и мусульманский мир»», книга 224

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=10245308](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245308)  
Россия и мусульманский мир №2: Москва; 2011  
ISBN 2011-2*

**Аннотация**

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

## Содержание

|                                             |    |
|---------------------------------------------|----|
| РОССИЯ: ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ? | 5  |
| ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ДЛЯ НАТО,                   | 17 |
| ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ           | 26 |
| ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ТАТАРСКОЕ              | 31 |
| ДАГЕСТАНСКОЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ        | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента.           | 38 |

# Россия и мусульманский мир №2

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**  
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ  
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

## РОССИЯ: ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ?

*Алексей Кива, доктор исторических наук (ИБ РАН)*

В России правящий класс почти всегда преисполнен оптимизма в отношении настоящего и будущего страны и в то же время не видит, что мы отстаем от других стран в научно-техническом и/или общественном развитии. Но завышенная самооценка, как показывает история, всегда кончалась плохо. Не успел влиятельный в высших кругах шеф жандармов А.С. Бенкендорф сказать лестные слова Николаю I о том, что настоящее России «более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение», как началась позорно проигранная Крымская война, обнажившая никчемность николаевского «палочного» режима. Полвека спустя в правящих кругах полагали, что Япония России не соперник, ее-де шапками можно закидать. (Очевидно, не зная, что она уже совершила буржуазно-демократическую революцию и резко ускорила свое развитие.) Оглушительное поражение в Русско-японской войне спровоцировало первую русскую революцию 1905–1907 гг., используя опыт которой большевики спустя десять лет совершили уже успешную Октябрьскую революцию. А в 1913 г. 300-летие Дома Романовых отмечалось с такой помпой и в таких масштабах, что его устроители, очевидно, полагали, что Российская империя будет существовать еще бесконечно долго. А раз так, то нечего менять ни в характере власти, ни в социальной и культурной политике государства. Но грянула Первая мировая война, и оказалось, что общественный строй царской России стоял на гнилом фундаменте.

Подобная ситуация повторилась в другой эпохе при другом по социальной природе правящем классе в условиях другого общественного строя, что сопровождалось той же неадекватной оценкой ситуации в стране и мире. В то время как советский строй уже вступил в этап глубокого кризиса и срочно требовалась модернизация экономики и политической системы, главный идеолог КПСС, реально второй человек во власти, А. Суслов, судя по всему, пребывал в полной беспечности. Так, на рукописи писателя В. Гроссмана «Жизнь и судьба» он написал: она-де не увидит свет и через сто лет. А СССР распался через десять лет.

Теперь у нас опять новая страна, новый экономический и социальный строй, новая власть, а все та же неадекватность правит бал. Россия в ходе безумных реформ 1990-х лишилась большей части своего промышленного и научно-технического потенциала и с каждым годом откатывалась по важнейшим показателям бытия, а уши глохли от барабанного боя чиновников и пиар-технологов насчет успехов России, «поднявшейся с колен» – на деле же поднимались только цены на нефть на мировых рынках. Официальная пропаганда провозглашала, что страна вот-вот станет пятой экономикой мира (только, неизвестно было, кого она при этом потеснит – США, Китай, Японию, Германию или быстро растущую Индию), превратится в мировой финансовый центр, уже является сверхдержавой, правда, пока энергетической. На деле за 20 лет мы не только не продвинулись вперед, но и откатились по ряду важнейших параметров далеко назад. Заняли 65-е место по индексу человеческого развития, 30-е – по уровню образования, 130-е – по здравоохранению, 105-е – по качеству жизни, 75-е – по индексу социального развития, 35-е – по уровню экономического развития, 71-е – по уровню привлекательности для жизни людей, 136-е – по уровню миролюбия. Даже по «индексу счастья» мы умудрились занять 172-е место из 178 стран. А первые места нам достаются едва ли не по всему спектру неблагополучия в демографической, социальной, нравственной, духовной сферах.

После начала кризиса чиновникам стало уже трудно выдавать рост ВВП за счет резкого увеличения цен на энергоносители на мировых рынках при незначительном росте их физического объема за бурное развитие экономики. Так, по данным Росстата, в 2009 г. ВВП упал на 7,9 %, промышленное производство – на 16 %, что явилось самым большим падением за последние 15 лет. (Независимые эксперты говорят, что падение того и другого на деле было еще глубже.) Из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), из «большой восьмерки» и даже из «двадцатки» наиболее развитых стран больше всех от кризиса пострадала Россия. Даже в США, которые спровоцировали мировой кризис, ВВП в 2009 г. уменьшился лишь на 2,4 %. Не в пятерку самых мощных экономик мира вошла наша страна, а, по данным международных рейтинговых агентств, была отброшена на 11-е место. А вот Китай и Индия, которые сделали акцент на развитие промышленности и высоких технологий, увеличили в 2009 г. ВВП на 8,7 % и 6,5 % соответственно.

Хорошо известно, что относительное благополучие нашей страны покоится на доходах от продажи энергоносителей, прежде всего нефти, рентабельная добыча которой скоро кончится. Себестоимость добычи нефти у нас с каждым годом будет только возрастать, а в ближайшие годы ожидается резкое увеличение ее добычи в Ираке, где запасы огромные, а себестоимость ничтожно мала. Продажа газа, запасы которого у нас большие, не компенсирует падение доходов от нефти. Все больше жидкого топлива на мировые рынки поступает в виде сжиженного газа. Началась крупномасштабная добыча газа в США из горючих сланцев, и они отказались от его импорта. А запасы горючих сланцев в мире во много раз больше запасов нефти. Новые технологии позволяют осуществлять экологически чистую газификацию угля, запасы которого очень большие у США и Китая как основных потребителей энергоресурсов. В США к тому же по инициативе президента Обамы принята программа крупномасштабного использования солнечной энергии. Что же касается Китая, то он уже давно использует солнечную энергию для обогрева домов. Он наверняка последует примеру США, тем более что имеет обширные пустынные районы с абсолютным преобладанием солнечных дней в году. В Китае, Индии и ряде других стран развернулось строительство атомных электростанций. Ожидается скорое появление и принципиально новых видов энергии. Так или иначе, нашему по-детски беззаботному сидению на теплой нефтегазовой трубе скоро придет конец.

И вместо того, чтобы готовиться к реалиям посленефтяной эры и, в частности, приступить к модернизации построенных еще в советские годы заводов и фабрик, возродить едва теплящийся научно-технический потенциал, власть инициировала дорогостоящие престижные проекты. Только успели завершить обустройство города Стрельня под Санкт-Петербургом для одноразового проведения саммита «большой восьмерки», как началось высокзатратное строительство курорта мирового уровня в Сочи в рамках создания инфраструктуры для одноразового проведения в 2014 г. зимней Олимпиады. Первоначальные расходы в 314 млрд. руб., по мнению некоторых экспертов, могут удвоиться и утроиться. А в связи с проведением в России саммита АТЭС в 2012 г. появилась идея обустройства острова Русский близ Владивостока и возведения через пролив Босфор Восточный трехкилометрового моста Владивосток–Русский. И это стране обойдется в несколько сот миллиардов рублей.

Ставить на первое место престижные проекты в ущерб развитию тех сфер, которые в XXI в. определяют лицо страны, – такую политику ответственной назвать нельзя. Средств не хватает и на решение острейших проблем, замешанных на стратегических интересах страны и ее будущего.

Возьмем ситуацию на Северном Кавказе. Называя вещи своими именами, там в отдельных республиках идет не то партизанская, не то гражданская война. Ставка уже давно должна была делаться не на военную силу, а на глубокую модернизацию всего региона, кото-

рый едва ли не больше других регионов пострадал от безмозглого реформирования экономики страны по заемной модели и сохранил в коллективной памяти народов ужасы сталинских репрессий. Там фактически заново надо строить экономику, создавать рабочие места, искоренять тотальную коррупцию, произвол властей и делать массу других вещей, чтобы молодежь видела для себя перспективу. Это же будет и самое действенное средство против распространения терроризма, который зарождается там, где для него есть почва, и в первую очередь социальная. Да, на это требуются немалые средства, но это несопоставимо с ценой людских потерь и возможных последствий в случае нового глубокого кризиса в России, о чем речь пойдет ниже. Коль скоро мы признали независимость входивших де-юре в состав Грузии маленькой Абхазии и крохотной Южной Осетии, то должны делать все возможное, чтобы народы национальных республик, входящих в состав РФ, были довольны существующим положением вещей и не рвались к независимости, как южные осетины и абхазы. Иначе в глазах мирового сообщества у нас больше не будет аргументов считать территориальную целостность страны незыблемой.

Как пишет хорошо знающий ситуацию на Северном Кавказе политолог С. Маркедонов, если приравнивать членов незаконных вооруженных формирований в республиках Северного Кавказа к бандитам, то решение проблемы труднодостижимо. «Национальный интерес в государстве должен быть выше конъюнктурного пиара (когда ради популярности можно пренебречь реальными оценками ситуации в проблемном регионе). Терроризм нужно сделать политически и экономически нерациональным. В этой связи население Северного Кавказа должно ощутить выгоду от поддержки и защиты России. Если они этого не увидят (а, напротив, увидят нарушение российских же законов и местной, и федеральной властью), то их симпатии вполне рационально (а не по причине приезда бородатых саудитов) будут на стороне, как минимум, оппонентов власти».

Мы говорим о теоретической возможности катастрофического сценария, а его признаки уже налицо. Еще в 2001 г. Г.Г. Малинецкий (Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН) и член-корреспондент РАН С.П. Курдюмов в Вестнике Российской академии наук предупреждали о грядущей катастрофе в связи со скорым массовым выходом из строя машин, оборудования, инфраструктуры и т.д. ввиду их крайней изношенности. Появился даже термин «восстание машин». Кроме того, они указывали на возможность развития России по катастрофическому сценарию. Но ни тогда, ни несколькими годами позже вроде бы ничего страшного не происходило в стране, и многим предупреждение ученых казалось гипертрофированным.

Однако в последние два-три года, причем в нарастающем темпе, у нас то и дело падают или совершают вынужденную посадку вертолеты и самолеты, случаются аварии на электростанциях и железных дорогах, из-за плохих дорог при резко возросшем парке машин происходят ДТП с многочисленными человеческими жертвами, выходят из строя трубопроводы, взрываются склады боеприпасов, гибнут люди в шахтах... И буквально каждый день что-то горит – жилые дома, школы, театры и клубы, дома для престарелых и инвалидов, детские учреждения, офисные помещения, склады, хранилища и транспортные средства.

В начале июня 2008 г., когда «отцы» нашего «экономического чуда» восхищались достижениями страны при их правлении и не скупились на самовосхваление, Г. Малинецкий озвучил более грозное предупреждение. «В нашем институте на основе динамической теории информации, – говорил он корреспонденту “Известий”, – был сделан геополитический прогноз для России на 2030 г. Если дела будут идти так, как идут, по инерционному сценарию, то и без внешнего вмешательства вероятен распад России на зоны влияния других цивилизаций. Дальний Восток разделят Китай и Япония. К Америке отойдут Камчатка, Чукотка и Сибирь. В европейской части появятся мусульманский анклав и Северо-Западное образование. Это согласуется с прогнозами, которые выполнены ЦРУ, где Россия рассмат-

ривается как зона кризиса и нестабильности. Некоторые американские исследователи предупреждают распад России на 5–8 государств в течение 10–15 лет. Утрата жизненной активности значительной части населения – важный параметр этого сценария».

А уже после начала кризиса, выступая 26 июня 2009 г. на инновационном форуме «Институциональная интеграция инноваций: Региональные аспекты», Малинецкий заявил, что новая, шестая по счету, технологическая революция началась, но Россия вступила в нее абсолютно неподготовленной, и речь уже не идет об экономическом проигрыше-выигрыше, но – о существовании государства. (Ученые Института мировой экономики и международных отношений РАН подсчитали, что экономика России отстает от передовых стран примерно на 40 лет.) И главное сейчас даже не деньги, а целеполагание.

Но не одни только математики бьют тревогу по поводу ближайшего будущего России. Если сохранится сырьевая ориентация экономики, не получат должного развития промышленность и высокие технологии, не будет развиваться инфраструктура. Об этом уже давно говорят едва ли не все наши крупные экономисты. Так, академик РАН Л. Абалкин высказался о возможности негативного прогноза для России, и подтвердил это в интервью Агентству федеральных расследований в 2006 г. Им названы три сценария: превращение России во второразрядную державу с сырьевой направленностью экономики; гибель страны как целостного государства; возрождение былого величия и славы, но через очень большой промежуток времени и при особо благоприятном стечении обстоятельств. Академик РАН Р. Нигматулин в интервью «Хронографу» тоже назвал три сценария: первый, в который мало кто верит, – страна найдет силы и сменит курс; второй – случится социальный взрыв; третий – деградация российской цивилизации и российского стандарта жизни.

Беспокойство насчет будущего России давно высказывают и наши крупные социологи, в том числе академик РАН Т. Заславская, члены-корреспонденты РАН Н. Римашевская, Ж. Тощенко и др. Подчеркивая при этом глубокое социальное расслоение общества, тяжелую демографическую ситуацию, ухудшение качества населения, деградацию науки, снижение уровня образования и здравоохранения и т.д., Т. Заславская указывает и на неустойчивый характер нынешнего режима. Давая интервью еженедельнику «Аргументы и факты» в мае 2006 г., она заметила: «Система, которая сейчас сформировалась, относительно стабильна, но обладает слишком малым потенциалом и перевернется, как матрешка. В ней накапливаются центробежные силы. Ученые опасаются, что что-то произойдет».

На мой взгляд, начинать надо с критического осмысления творческого наследия наших предшественников, и прежде всего П. Чаадаева и Н. Бердяева. Так, Чаадаев первым указал на то, что образованные круги общества склонны некритически заимствовать все европейское, воспринимать только готовые идеи, что является следствием заимствованной культуры. Он, однако, сказал и немало такого, что не только вызвало приступ яростного гнева Николая I, но и не разделялось его друзьями. Например, что мы «продвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели», иначе говоря, ходим в истории по кругу и существуем лишь для того, «чтобы преподать великий урок миру». (Правда, некоторые у нас говорят: этого мы и добились, убедив мир, что строить так социализм, как мы строили, нельзя, и реформировать его так нельзя, как мы реформировали.)

Бердяев дал определение русской идентичности. «Русский народ по своей душевной структуре, – писал он, – народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи». Бердяев считал, что Россия и не Восток, и не Запад, она Востоко-Запад. Отсюда и национальный характер, а точнее, архетип (коллективное бессознательное), имеет как общечеловеческие, так и специфические черты. Например, полярный характер мышления (рождающий всем известные крайности); догматизм (когда возникшей на Западе и неоднозначно там воспринимаемой теории – будь то марксизм или неолибера-



лизм – у нас ее сторонниками придается характер безусловной истины); стремление решать сложные вопросы не с помощью компромисса, а по принципу «стенка на стенку»; иррационализм, когда и судьбоносные вопросы, как, например, избрание первых лиц государства, мы нередко решаем не умом, а сердцем; так называемая удаль, которая у нас порой ценится выше таланта (когда, например, еще недавно мало кому известный политик одной своей молодцеватостью и красивой фразой может завоевать доверие избирателя); склонность народа в своих бедах винить не первых лиц в государстве, а их окружение. (Иностранные аналитики просто удивлялись тому факту, что работе правительства, согласно опросам, россияне ставили низкую оценку, а Путину, который его возглавляет, – высокую).

Бердяев же дал и ответ на причины трагического развития страны в XX в. За короткий срок мы дважды сменили вектор общественного развития, понеся при этом колоссальные, а во многом и необратимые потери. Сначала отринули капитализм в пользу социализма, а потом отказались от социализма в пользу капитализма. А причина эта – раскол русского национального сознания, который возник после реформ Петра I. Появившиеся после этого западники и славянофилы являются реальностью и по сей день. Хотя, казалось бы, пройдя через жернова большевизма, общество должно было изжить этот раскол.

Западники как европеизированная часть общества всегда тяготели и тяготеют к Западу, стремясь перенимать его идеи, формы общественной жизни и пр. Славянофилы же, или, в современных понятиях, почвенники, более консервативны, они стремятся сохранять традиционные ценности. По законам общественного развития, революцию, как правило, сменяет контрреволюция. Победу в ходе революции обычно одерживают более образованные, социально активные и организованные западники, но поскольку они являются меньшинством в обществе, то в ходе отката революции они ее теряют. Так произошло через несколько лет после Октябрьской революции, когда большевиков-интернационалистов («ленинскую гвардию») вытеснили из большой политики, а потом многих из них и уничтожили группировавшиеся вокруг Сталина большевики-державники. И после антикоммунистической демократической революции конца 1980-х – начала 1990-х годов либералам-западникам, сыгравшим в ней видную роль, долго удержать сильные позиции во власти не удалось, через ряд промежуточных этапов она перешла к другим политическим силам с бывшими работниками КГБ во главе. (Хотя они сохранили сильные позиции в экономической власти.) Как образно выразился в то время директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков В. Черкесов, «рыхлое, неоднородное, внутренне противоречивое и далеко не однозначное сообщество людей, выбравших в советскую эпоху в качестве профессии защиту государственной безопасности, оказалось в социальном плане наиболее консолидированным... Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за этот самый “чекистский” крюк. И повисло на нем».

Но, как говорится, все течет, все изменяется. А что остается и что нам мешает жить?

**Первое.** Это характер государства и власти. Как отмечал Бердяев, тип государства мы взяли у загнивающей уже Византии, а потом его «обогатили» немецким бюрократизмом. Оттуда же переняли культ власти и склонность к обожествлению правителя. От православия мы получили максимализм, догматизм и культ жертвенности. Бердяев считал, что «историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой...». В самом деле, частые смены типа цивилизации, несколько сот лет жизни в зависимости от Золотой Орды, несколько сот лет крепостного права – все это и многое другое сделало нас такими, какие мы есть. Власть наша что при царях, что после них стремится править пожизненно и при этом – из каких бы слоев она ни происходила – часто смотрит на простых людей, как на быдло.

Так или иначе, вцепившись мертвой хваткой во власть (которая у нас обычно неотделима от привилегий и/или собственности), наш правящий класс не желает никаких перемен, не хочет ничем делиться с народом. Согласись Николай II (как ему советовали из его

ближайшего окружения) на конституционную монархию и пойдя он навстречу требованиям крестьян, заручившись поддержкой наиболее дальновидной части дворянства, наверняка не было бы Октябрьской революции. Точно так же, если бы Брежнев поддержал экономические реформы Косыгина и настоял на постепенной демократизации политической системы, включая регулярную сменяемость на конкурсной основе высших должностных лиц (как это, например, делается в Китае), то мы действительно могли бы иметь в каком-то будущем социализм с человеческим лицом. Однако слепой эгоизм и тупое стремление правящего класса с помощью закручивания гаек и грубой силы сохранить все, что имеет, рождает в обществе настроения безысходности, злости, а то и ненависти к власти, что в момент кризиса перерастает в то, что можно выразить одним словом: «Долой!» Отсюда и стремление наиболее радикальных слоев общества не только избавиться от ненавистного режима, но и от всего того, что с ним связано. При этом многим людям ошибочно кажется, что хуже уже не будет. Но, как сказал один мудрый человек, нет такого плохого, которое нельзя было бы сделать еще хуже. Так у нас и получилось для большинства народа после смены капитализма социализмом, а потом и смены социализма капитализмом.

Я был не только очевидцем, но и активным участником на фронте идеологической борьбы против коммунистического режима. Долгое время мне казалось, что этот режим будет вечным. Что вечно будут нами править выжившие из ума старцы, вечно они будут нам лгать насчет преимуществ нашего полуказарменного социализма над капитализмом. Вечным будет дефицит всего и вся. Вечно будут существовать сковывающие свободу личности запреты, причем нередко нелепые. И для того чтобы сбросить этот уже ставший ненавистным режим, я готов был поддерживать всех, кто с ним боролся. Готов был закрывать глаза на наших фальшивых либерал-демократов, на сомнительные человеческие качества Ельцина и пр. Была сверхзадача: коммунистический режим во что бы то ни стало должен быть разрушен. В том, что в ходе революционных перемен мы стремимся «разрушить все до основания», виноват правящий класс. Именно по его вине мы понесли такие страшные потери в двух революциях. Проведенная у нас молниеносная и несправедливая приватизация заслуживает только осуждения, но первоначально она задумывалась как способ лишить коммунистов материальной базы для реставрации.

Если бы наш правящий класс был дальновидным, то он все делал бы для того, чтобы избежать революции, и сам бы «взращивал» силы, которые могли бы перехватить власть в случае крушения режима. Но таких сил не оказалось ни после отречения Николая II от трона, когда перед страной открылся путь буржуазно-демократического развития, ни после краха режима реального социализма, когда можно было взять курс на «демократический социализм». Нет таких сил и сейчас. Притом что в обществе царит вопиющая социальная несправедливость. Случись, что власть падет, ее некому будет поднять. За несколько месяцев до парламентских выборов 2007 г. В. Путин говорил о том, что для подстраховки нам нужны две сильные системные партии: одна – правоцентристская, другая – левоцентристская. Правоцентристская в лице «Единой России» уже была партией власти, а созданная, как говорят, по проекту Кремля, левоцентристская партия «Справедливая Россия» постепенно набирала силу. Потом Путин вдруг неожиданно для многих изменил свое решение, возглавив список «Единой России» на парламентских выборах, не будучи ее членом, а «Справедливую Россию» в ходе парламентских выборов чиновники на местах стали так же «прессовать», как и оппозиционные партии. Те выборы вошли в историю как самые «грязные».

**Второе.** Почти за 20 постсоветских лет не появилось принципиально новых промышленных производств, известных в мире технологий, новых ГЭС, кораблей, самолетов и даже автомобилей. Мы сдали позиции даже там, где СССР был признанным лидером, – в космосе и энергетике. Мы продолжаем проедать остатки советского наследия. Как говорят специалисты, созданные в советские годы производства уже не подлежат реконструк-

ции, промышленность надо создавать заново. Кто в этом виноват? Прежде чем отвечать на этот вопрос, давайте сначала посмотрим, что представляет собой наш нынешний правящий класс. Это причудливый симбиоз бюрократии, олигархов и либералов с некоторыми «добавками». Бюрократию заботит величие России, и она его стремится поднимать... строительством новых трубопроводов для перекачки нефти и газа в другие страны, престижными проектами и нескончаемым пиаром насчет того, как много она делает для народа и укрепления международного авторитета государства. Олигархи, в своем большинстве не уверенные в своем будущем, стараются выводить из страны активы и регистрировать свои предприятия в других странах, и они де-юре становятся уже и не совсем российскими. А тем временем либералы в экономическом блоке правительства продолжают следовать предписаниям «Вашингтонского консенсуса», реализация которых тормозит наше развитие. Я напомним об истории его появления.

Экономист Д. Уильямсон (John Williamson) из вашингтонского Института международной экономики (Washington Institute for International Economics) в 1989 г. подготовил для латиноамериканских стран, в которых уже была в той или иной степени развита рыночная экономика, рекомендации для ее оздоровления. Это строгая финансовая дисциплина; ограничение госрасходов на социальную сферу и инфраструктуру; снижение ставок налогов; либерализация финансовых рынков; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; открытие страны для иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Эти рекомендации покоятся на неолиберальной теории М. Фридмена, и их можно свести к известной максиме А. Смита: рынок все расставит по местам. Их появление совпало с крахом реального социализма, и Вашингтон посредством Международного валютного фонда стал навязывать их странам с переходной экономикой, и в первую очередь бывшим соцстранам. Ни одна из быстрорастущих стран не стала выполнять требования «Вашингтонского консенсуса», а те, кто это делал, потерпели фиаско. Ведь перевод нерыночной экономики на рельсы рыночного развития, тем более такой страны, как Россия (огромная территория, разные климатические условия, большие перепады в уровне развития регионов и народов, на 70 % военная экономика, сотни моногородов и пр.), обязательно требует активного государственного регулирования, индикативного планирования, защиты отечественных производителей от недобросовестной внешней конкуренции, требует валютного контроля и т.д., что напрочь отвергается идеологами «Вашингтонского консенсуса». Российские же либералы-западники безоговорочно взяли на вооружение то, что исходило из Вашингтона, и стали выполнять, причем в самом brutальном варианте. Притом что сами «американские гуру» требовали тотальной и как можно более быстрой приватизации и либерализации всего и вся. И это стало для нас катастрофой.

Уверен, что если бы в это время на Западе господствующей экономической теорией был не неолиберализм, а кейнсианство, то они, наши квазилибералы, с не меньшим рвением стали бы руководствоваться им, что объективно было бы, безусловно, лучше для страны. Только правда в том, что без поддержки политического руководства либералы в экономическом блоке правительства не могли бы проводить в жизнь рекомендации чужого государства – их бы вообще из власти, грубо говоря, вычистили. И заметим, при ярко выраженном словесном антиамериканизме немалой части нашей бюрократии и административная реформа, и реформы здравоохранения, образования и некоторые другие осуществлялись по американским лекалам.

В основном в США хранятся и наши валютные резервы. А то, что мы вопреки национальным интересам берем на себя обязательства международных (считай – западных!) организаций, ставит под сомнение и патриотизм многих наших «государевых мужей». Притом что не только новоиспеченные богачи, но и чиновники скупают недвижимость, хранят свои

деньги, а нередко и лечат членов своих семей, обучают своих отпрысков тоже в странах Запада. По некоторым подсчетам, у нашей элиты число домов, квартир, дворцов измеряется сотнями тысяч, и есть они едва ли не в каждой стране Запада. Как заметил не без иронии З. Бжезинский, нам, дескать, России не надо бояться, она не будет воевать против стран, где ее элита имеет такие обширные интересы.

Но есть еще одна правда. Народ не встал на защиту социализма, при котором выросло три поколения людей, не только из-за разочарования в ленинско-сталинской модели социализма, но и в силу отмеченной еще Бердяевым нашей склонности действовать от противного. Не понравился социализм – давай попробуем капитализм. Прав первый заместитель главы президентской администрации В. Сурков, когда говорит, что мы не умеем ничего достраивать. Когда встал вопрос, в чем первопричина того, что Россия фактически на 20 лет заморозила свой экономический и научно-технический прогресс, то член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Р. Гринберг ответил на него так: «Настоящая причина одна – инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено».

«Новый курс» президента Медведева: слово «модернизация» стало модным после появления статьи президента «Россия, вперед!». Некоторые ее положения были развиты и дополнены президентом в его ежегодном Послании Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 г. Я вкратце напому о них:

- во-первых, президент поставил вопрос о комплексной модернизации России, включая политическую систему, а не только экономику. Но модернизации постепенной, поэтапной, не нарушающей стабильность в стране. Конечная ее цель – построение процветающего, открытого демократического общества на базе инновационной экономики;

- во-вторых, в отличие от того, что говорилось правительством и руководством Госдумы по поводу быстрого экономического роста, Медведев подчеркнул тяжелое положение российской экономики, которая, по существу, не развивалась последние 20 лет, не считая роста ВВП за счет небывало высоких цен на экспортируемое сырье. Указал и на причины фактического неразвития страны;

- в-третьих, президент заявил, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично... Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки и Азии». Так откровенно и честно до Медведева еще никто не говорил из высших должностных лиц;

- в-четвертых, президент по-новому поставил вопрос о проведении государством внешней политики, которая бы исключала враждебность, обидчивость, кичливость, закомплексованность, ностальгию и пр., а основывалась на «стратегических долгосрочных целях модернизации России». Что на деле очень актуально, поскольку в последние годы над национально-государственными интересами страны порой брали верх чиновное тщеславие, амбиции, игра в «сверхдержавие» или, как выразился бывший вице-премьер правительства О. Сисуев, отдающая неадекватностью игра в «пиар-величие нашего государства». В самом деле, наши чиновники нередко вели себя так, словно они живут в советской сверхдержаве, «забывая» о том, что наш ВВП примерно в десять раз уступает американскому, а научно-технический потенциал – и того больше. Бахвелятся то нашей якобы не знающей преград ракетой «Булава», которая на деле еще не прошла испытательный срок, то истребителем пятого поколения, за который выдают его прототип. Многие аналитики говорят, что все это направлено для «внутреннего пользования», дабы, так сказать, компенсировать провалы в граж-

данских сферах. Однако, как показали история с покупкой «Опея» и ряд других несостоявшихся сделок, при воинственной риторике наших чиновников никто на Западе не желает содействовать модернизации экономики России. Запад шел лишь на создание у нас предприятий «отверточной технологии», что не развивает, а губит отечественную инженерную мысль;

– в-пятых, Медведев заявил: «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих “предпринимателей”. Они хорошо устроились. У них “все есть”. Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его».

Действительно, прямое или скрытое противодействие реализации «нового курса» президента Медведева не заставило себя долго ждать. Ведь он указал едва ли не на все негативные стороны нашего нынешнего бытия, как то: неэффективная экономика, неразвитые социальная сфера и демократия, слабое гражданское общество, острые социальные проблемы, низкий уровень продолжительности жизни граждан, негативная демографическая тенденция, неадекватная остроте проблем политика государства в Северо-Кавказском регионе и т.д. И это, естественно, не могло понравиться тем из властного ареопага, кто до небес восхвалял достижения России. Это прежде всего партия «Единая Россия», руководство которой все последние годы активно поддерживало курс Путина на сырьевую ориентацию экономики и даже (к удивлению его самого) составило из его ежегодных посланий Федеральному собранию «план Путина».

На XI съезде в ноябре 2009 г. «ЕР» объявила себя консервативной партией и высказала свою приверженность консервативной модернизации. Но модернизация в понимании президента Медведева, и вообще в общепринятом понимании, – это курс на изменения революционного характера, а консерватизм – это сохранение того позитивного, что есть, и медленное продвижение вперед. Только много ли в нашей политической, экономической, социальной жизни и духовно-нравственной сфере есть такого ценного, «доброе, вечное», что общество хотело бы сохранить? И можно ли при таком катастрофическом положении в экономике и таком фатальном отставании России от передовых стран позволить себе модернизацию по принципу «нам некуда спешить»?

В свою очередь премьер Путин, которому, очевидно, не понравилась идея не только экономической, но и политической модернизации, заявил о том, что в ходе перемен нельзя допустить, как он выразился, «украинизации» России. Только что это значит? На Украине в мирных формах близится к завершению мучительный процесс становления двухпартийной системы как гарантии сохранения демократии и недопущения возврата диктатуры. В России таких гарантий нет. Политический класс Украины выдержал тяжелое испытание на демократию и не допустил ни новой революции, как это имело место в ряде других бывших советских республик, ни государственного переворота, как случилось у нас в 1993 г. И если бы не грубое вмешательство внешних сил во внутренние дела Украины в канун и в ходе президентских выборов 2004 г., то процесс становления там демократии наверняка шел бы менее конфликтно.

Традиционная беда российской власти состоит еще и в том, что она почти всегда, сознательно или бессознательно, подменяет причины следствиями. Массовые выступления граждан в ряде соседних стран против фальсификации выборов, коррупции и нищеты наши чиновники свели исключительно к западному вмешательству и вместо того, чтобы начать у себя выкорчевывать указанное зло, стали закручивать гайки, создавать лояльные себе организации из молодежи («Наши», «Молодая гвардия» и др.), в спешке принимать законы, при-

равнивающие акции социального протеста и протеста против произвола чиновников к экстремистским действиям. Нечто подобное практиковалось и в царской России, и в СССР.

Удастся ли президенту обратить вспять тенденцию катастрофического развития России? На этот вопрос можно дать ответ только в духе антиномии, когда с одинаковой степенью убедительности можно доказывать и то, и другое. Что, кстати говоря, любил делать Бердяев.

1. С одной стороны, трудно опровергнуть тех ученых и специалистов, которые утверждают, что в обозримом будущем Россия вряд ли сменит вектор экономического развития. Тем более если вновь на какое-то время сильно поднимутся цены на нефть, которые и сейчас, когда пишется эта статья, уже превысила 70 долл. за баррель. А сырьевая экономика неизбежно заведет страну в тупик, о чем говорит и сам президент. Но это же и даст старт развитию катастрофического сценария, последствия которого на деле предсказать трудно. В чем суть проблемы?

а) Очень слабым кажется субъект модернизации, в то время как противники ее очень сильны. На них указал Медведев. Ясно, что сырьевым магнатам она не нужна, тем более что многие из них не связывают свою судьбу с Россией. Сырьевое же лобби многочисленно и очень влиятельно. Аналитики к тому же говорят, что и высшие чиновники могут иметь акции в сырьевых компаниях, следовательно, интерес сырьевых баронов – это и их интерес. И коррупция дает обильные урожаи прежде всего на сдобренной нефтегазовыми долларами почве. И «сладкая жизнь» оглуляющих граждан шоуменов, работающих на олигархию и бюрократию имиджмейкеров, пиар-технологов, политологов, социологов выросла на той же ниве. Народ сбит с толку пиаром и в массе своей не осознает, что случится со страной, когда усохнут доходы от продажи сырья. Притом что еще не стерлись в его коллективной памяти голодные 1990-е годы и он боится потерять и тот весьма скромный достаток, который имеет.

б) Создается впечатление, что у президента Медведева за пределами его администрации нет сильного мозгового центра, который мог бы давать обоснованные разработки пошаговых действий в рамках намеченной им программы. Это наглядно показал подготовленный Институтом современного развития (ИНСОР), председателем попечительского совета которого он сам является, доклад «Россия XXI века: Ожидаемое завтра». Его авторы, председатель правления ИНСОР И. Юргенс и член правления Е. Гонтмахер, фактически предлагают стране новый либеральный проект, близкий тому, что был реализован командой Гайдара–Чубайса. При этом они делают ставку на ценности либерализма и демократии, заранее включают Россию не только в Евросоюз, но и в НАТО, как будто бы не знают, что у большинства россиян на этот счет совсем другое мнение.

в) В наших условиях проблема модернизации сырьевой экономики, перевода ее на рельсы инновационного развития чрезвычайно трудно решается. Экономика и едва ли не вся инфраструктура в развале, и в этих условиях надо одновременно решать две грандиозные задачи: реиндустриализацию и технологический переворот. Без новой индустриализации никакой инновационной экономики не получится – не будет для этого ни соответствующих материальных предпосылок, ни человеческого материала. И даже те инновации, которые могут у нас создаваться, будут в основном востребованы разве только в развитых странах. Сложно решать и проблему накоплений в рамках нынешней экономической и финансовой политики. Она не решалась и в «тучные годы», притом что совокупный внешний долг страны, по оценке некоторых экономистов, составляет 600–700 млрд. долл.

г) По масштабам решаемых задач, по их сложности и по требуемым усилиям всего общества модернизация сопоставима разве только с индустриализацией или созданием ядерного и ракетного оружия. Все эти проекты рассматривались и элитой, и обществом как условие самого существования страны, объединяли народ и носили мобилизационный характер. Какая идея сейчас может объединить общество, живущее как бы в двух мирах – мире богатых и сверхбогатых и мире бедных и полунущих? На этот вопрос трудно найти

ответ. У президента к тому же нет своей партии или общественного движения. Притом что занимающая сильные позиции во власти, в экономике, СМИ старая команда, не признающая провала своего экономического курса, не примет саму идею масштабной модернизации. Признай она это, ее позиции резко ослабнут в канун скорых парламентских и президентских выборов.

д) За редким исключением, в первые годы создания новой экономики скорее ухудшится, чем улучшится жизнь большей части населения. В нашем случае интересы развития промышленности и сельского хозяйства продиктуют сокращение экспорта энергоносителей, металлов, удобрений, а накопления капитала для повышения уровня инвестиций – введение прогрессивного налога с физических лиц, урезание сверхприбылей крупных компаний, отказ руководителей госкомпаний от миллионных бонусов, премиальных, «золотых парашютов», сокращение привилегий бюрократии и пр. Привыкшая жить на широкую ногу за счет природной ренты элита вряд ли такой политике обрадуется.

2. С другой стороны, в мире есть случаи, когда решающую роль в судьбе страны может сыграть личность одного человека. Так, Дэн Сяопин изменил вектор общественного развития страны, превратив КПК в инструмент строительства экономики капиталистического типа, по ходу меняя социальный состав и идеологию компартии. Но при этом он имел в своем окружении талантливых экономистов и опирался на сильную команду. А результатом стало то, что за 30 лет реформ Китай увеличил ВВП в 15 раз, превратившись во вторую экономику мира после США. Допустим, у наших руководителей не было и не могло быть такого опыта государственного управления, какой был у китайского лидера, наделенного к тому же незаурядным талантом. Но президент США из артистов Р. Рейган тоже не имел большого опыта управленца и, откровенно говоря, не слыл интеллектуалом, однако он подобрал талантливую команду, с помощью которой вытащил США из затянувшегося кризиса и вошел в американскую историю как сильный президент.

А у нашего президента такие обширные конституционные полномочия, что при наличии политической воли он может отправить в отставку любого чиновника, если тот не справляется со своими обязанностями или проводит в жизнь собственную программу, и сформировать такую команду, которой будет по плечу вывести страну на путь здорового развития. Но при этом президенту не обойтись без сильного мозгового центра и массовой поддержки. Мне решение этой проблемы видится следующим образом.

1. Надо превратить ИНСОР, в котором почему-то оказалось много бесполезных либералов гайдари-чубайсовского толка, в сильную команду единомышленников, работающих на президента, а не занимающихся саморекламой, а возможно, еще и апеллирующих к западному общественному мнению. У нас ведь есть очень опытные экономисты, знающие, как создавать новую экономику. Я, например, могу назвать академика РАН и Европейской академии, президента Новой экономической ассоциации В. Полтеровича, который еще Горбачёву рекомендовал начинать реформы не с политической системы, а с экономики, как это уже делалось в Китае.

2. Партия «Единая Россия» могла бы стать опорой президента в осуществлении его программы, если бы путем демократических выборов избавилась от «назначенцев». (Это о них президент Башкортостана М. Рахимов сказал, что они и тремя курицами не командовали.) Они не понимают роли партии и парламента в жизни общества, не осознают той беды, которая неизбежно придет в страну, если мы не сменим нынешний экономический курс.

3. Народу надо говорить правду о том, что в случае провала модернизации страну ждет вполне вероятный распад и уход с исторической сцены. Это должна осознать и здоровая часть элиты. А исторический опыт показывает: наше общество быстро избавляется от равнодушия и инертности, обретая энергию и решимость, только в периоды смертельной опасности. Но при этом СМИ, в первую очередь государственные телеканалы, должны работать

на интересы модернизации, а не на прославление дутых успехов в нулевые годы, а по сути – оправдание инерционного пути развития. Не обойтись и без смены социальной политики и оздоровления духовно-нравственной атмосферы в обществе.

Какой из двух указанных вариантов станет реальностью, покажет ближайшее будущее.

*«СоцИс: Социологические исследования», М., 2010, № 11, с. 133–143.*



## ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ДЛЯ НАТО, ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЯ ДОЛЖНА ВСТУПИТЬ В СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

*Чарльз Канчан, профессор международных отношений (США)*

На саммите НАТО-2010 члены Альянса собираются принять новую «стратегическую концепцию» развития. Отношения НАТО с Россией – один из главных вопросов повестки дня. После распада Советского Союза Соединенные Штаты и их союзники по Североатлантическому альянсу создали новый мировой порядок, пришедший на смену тому, что существовал в годы «холодной войны», и практически исключавший участие в нем России. НАТО и Европейский союз обращаются с Россией как с аутсайдером, исключая Москву из основных институтов евро-атлантического сообщества после принятия в свои ряды стран Центральной и Восточной Европы. Изоляция России – это отчасти дело ее собственных рук. Приостановка движения по пути демократии и периодические приступы внешнеполитической несдержанности вынуждают НАТО продолжать играть роль преграды от возобновления всплесков российского экспансионизма.

И все же Запад совершает историческую ошибку, обходясь с Россией, как со стратегическим изгоем. Как ясно показывают примеры мирного урегулирования после окончания Наполеоновских войн и Второй мировой войны – в отличие от договоренностей по итогам Первой мировой войны, – включение прежних соперников в послевоенный порядок играет весьма значимую роль в укреплении мира между великими державами. Поэтому присоединение России к расширенному евро-атлантическому порядку должно стать для НАТО важнейшим приоритетом.

Россию раздражало расширение Альянса еще в ту пору, когда он начал переманивать новых членов из бывшего советского блока в начале 1990-х годов. Однако экономический и военный упадок России и превосходство Запада побудили членов НАТО пренебречь возможными последствиями недовольства России. Политологи Дэниел Дьюдни и Джон Айкенберри отмечали: «По мере того как американский потенциал рос, а российский – снижался, вашингтонские политики все чаще действовали так, будто мнение России уже ничего не значило, а Соединенные Штаты могли делать все, что им заблагорассудится».

Однако стратегический ландшафт с тех времен радикально изменился, и цена исключения России из евро-атлантического порядка существенно возросла. Благодаря повышению цен на энергоносители заново проведенная Кремлем централизация власти и экономическое восстановление России вернули страну к жизни. Сейчас Россия уверена в себе и способна потеснить НАТО – именно тогда, когда Запад срочно нуждается в сотрудничестве с Москвой по целому ряду вопросов, включая сдерживание ядерных амбиций Ирана, контроль над вооружениями и нераспространение ядерного оружия, стабилизацию Афганистана, борьбу с терроризмом и энергетическую безопасность.

Более того, продолжающаяся экспансия НАТО сделала вопрос о месте России в евро-атлантическом порядке еще более неотложным. В новой Военной доктрине РФ, опубликованной в феврале 2010 г., Россия определила расширение НАТО как главную внешнюю угрозу. Альянс взвешивает все «за» и «против» принятия в свои ряды Грузии и Украины – шага, который приведет к опасной эскалации напряженности с Россией. На самом деле российско-грузинская война 2008 г. до некоторой степени стала отражением беспокойства Москвы по поводу геополитического дрейфа Грузии в сторону Запада. И вместо того чтобы просто возражать против расширения НАТО, Россия сейчас предлагает собственные идеи

о перестройке евро-атлантической структуры безопасности. В ноябре 2009 г. российское правительство выпустило проект нового Договора о европейской безопасности, в который вошли предложения Москвы касательно панъевропейских институтов. У союзников НАТО, похоже, больше нет возможности бесконечно откладывать рассмотрение вопроса о месте России в постбиполярном мире.

Решение вопроса о том, как привлечь Россию в евро-атлантическое пространство, лежит на поверхности: Россия должна стать членом НАТО. Конечное принятие страны в Альянс было бы логическим завершением создания евро-атлантического порядка, в котором НАТО является главным институтом безопасности. Начав процесс расширения после распада советского блока, западные союзники должны теперь сделать все, что в их силах, чтобы завершить его интеграцией России и других стран СНГ в Альянс.

Конечно, есть много других вариантов построения панъевропейского порядка, например: выработка договора между НАТО и возглавляемой Россией Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); подъем авторитета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), членом которой является Россия; принятие предложения России о новом Договоре о европейской безопасности. Но сейчас, когда НАТО – самый мощный военный альянс в мире – насчитывает 28 членов, а еще больше стран остаются на подходе, все другие варианты – это просто стратегические интермедии. Каждая страна станет либо членом НАТО, либо аутсайдером. Единственный логический путь к панъевропейскому порядку тем самым подразумевает интеграцию России в Альянс.

Москва может отказаться от вступления, принимая во внимание те требования и ограничения, которые подразумевает членство, и предпочесть следовать своим курсом. Но если основные институты евро-атлантического сообщества в конечном счете не сумеют распространиться на Россию, пусть это случится из-за ошибок Кремля, а не потому, что атлантические демократии не сумели продемонстрировать видение или волю к принятию России в панъевропейский порядок.

С момента своего создания в конце 1940-х годов евро-атлантический порядок имел двойственный характер. С одной стороны, западные институты стремились обеспечить коллективную оборону от внешних угроз путем накопления вооруженных сил для защиты территории стран-членов (в основном против Варшавского пакта) и переброски вооруженных сил (например, в Косово и Афганистан). С другой стороны, они стремились обеспечить коллективную безопасность от внутреннего соперничества за счет военной, политической и социальноэкономической интеграции (через НАТО и Европейское экономическое сообщество – предшественника ЕС). Но между этими двумя миссиями всегда создавалась напряженность. Коллективная оборона требует, в первую очередь, концентрации военной мощи посредством максимизации национальных средств вооружения и координации принятия решений. В данном случае преследуется цель – создать противовес для внешних угроз. Коллективная же безопасность, наоборот, требует главным образом рассредоточения мощи путем обобщения и вооружений, и командования. Таким образом преследуется цель нейтрализовать внутренние угрозы за счет центростремительной силы интеграции.

В период «холодной войны» разделение обязанностей между институтами было относительно четким. НАТО занималась коллективной обороной через наращивание мощи против советской угрозы, а также коллективной безопасностью за счет упрочения сплоченности членов. Тем временем Европейское экономическое сообщество (впоследствии ЕС) сосредоточилось на превращении Западной Европы в зону прочного мира посредством экономической и политической интеграции.

После окончания «холодной войны» атлантическим демократиям стало труднее находить баланс между коллективной обороной и коллективной безопасностью. Соединенные Штаты видят в НАТО в основном инструмент для переброски вооруженных сил и исполь-

зуют его, чтобы собрать европейских партнеров, которые способны внести вклад в миссии далеко за пределами европейского театра. Страны Западной Европы имеют тенденцию считать Альянс инструментом укрепления мира и процветания в Европе и поэтому сопротивляются усилиям США по превращению его в средство проведения военных кампаний по всему миру. Тем временем новые члены из Центральной и Восточной Европы смотрят на НАТО более традиционно – как на бастион против России. Их озабоченность коллективной обороной означает, что они предпочитают НАТО-центристский, а не ЕС-центристский евроатлантический порядок. Однако тот факт, что они неохотно наращивают мощь и параметры Евросоюза с военной точки зрения, означает, что это может ослабить трансатлантические связи. Более дееспособный Европейский союз жизненно необходим, чтобы сохранить геополитическую актуальность Европы для Соединенных Штатов.

Политика принятия России в НАТО в качестве приоритета Альянса заметно обострила бы напряженность между этими столь различными стратегическими перспективами. В Соединенных Штатах прагматики будут заинтригованы, а либералы-вильсонианцы и неоконсерваторы отшатнутся. В Западной Европе, которая все еще с трудом переваривает непрерывный поток новых членов ЕС и НАТО, идея, вероятно, повысит «усталость от расширения». А в Центральной и Восточной Европе, где страх перед Россией все еще силен, подобная политика вызовет ужас, если не самую настоящую панику. Более того, нельзя не признать, что сама мысль разрешить России присоединиться к Североатлантическому альянсу звучит диссонансом с миссией Альянса времен «холодной войны», не говоря уже об отступлении России от демократических реформ и ее неуклюжем подходе к «ближнему зарубежью». Тем не менее перспектива членства России в НАТО сулит большие надежды на решение не только проблемы более эффективного построения панъевропейского порядка, но и проблемы противоречий, ожидающих Североатлантический блок в будущем.

В пользу принятия России в НАТО можно привести главным образом пять доводов.

**Во-первых**, открытие дверей НАТО перед Россией восстановит одну из главных функций евроатлантического порядка – предоставлять коллективную безопасность посредством центростремительной силы интеграции. С точки зрения большинства членов Альянса, Россия застряла на стратегически ничейной земле; она не заслуживает ни безусловного отпора в интересах коллективной обороны, ни горячих объятий в интересах коллективной безопасности. Формирование видения того, как будет происходить будущее вступление России в НАТО, позволит преодолеть это подвешенное состояние. Альянс, если ему не дадут повода действовать противоположным образом, начнет протягивать руку России, дав ей тем самым почувствовать демократизирующее и умиротворяющее воздействие интеграции, как это произошло с Германией в 1950-х годах, а со странами Центральной и Восточной Европы – в последние два десятилетия. НАТО снова станет главным гарантом коллективной безопасности в Европе и обретет новый смысл существования – завершение создания мирного панъевропейского сообщества.

**Во-вторых**, постепенная интеграция России в НАТО вдохнет новую жизнь в трансатлантические связи, превратив Европу в более сильного геополитического партнера, в котором столь безотлагательно нуждаются Соединенные Штаты. Это особенно важно, учитывая, насколько Евросоюз неповоротлив в вопросах обороны. В Вашингтоне сейчас существует двухпартийный консенсус в пользу более унитарной Европы с увеличенным военным потенциалом, что подвергает риску трансатлантические связи, если Европа не сможет соответствовать. Лиссабонский договор вступил в силу в прошлом году, а вместе с ним замаячили институциональные реформы, которые постепенно предоставят Европейскому союзу возможность проводить более коллективную и силовую внешнюю и оборонную политику. Тем не менее даже при самых оптимистических сценариях ЕС, по всей вероятности, способен лишь на нерешительный прогресс в объединении своего оборонного потенциала. А Россия,

Вооруженные силы которой насчитывают более миллиона человек, потенциально способна укрепить военный вес Европы, если войдет в состав НАТО. Нельзя не признать, что Брюсселю придется действовать с осторожностью в таких деликатных сферах, как обмен разведанными и военными технологиями. Но, наверное, подобные вопросы поддаются решению, если в результате значительно усилятся военная мощь и безопасность евро-атлантического сообщества.

**В-третьих**, интеграция России в НАТО позволит Грузии и Украине присоединиться к Альянсу, не спровоцировав кризиса в отношениях с Москвой. По мнению российских политологов Сергея Караганова и Тимофея Бордачёва, принятие этих стран в НАТО повысило бы «риск конфликта с непредсказуемыми последствиями». Прекращение расширения помогло бы избежать этой проблемы, но оставило бы неразрешенной другую: как интегрировать Россию и ее соседей в унитарный евро-атлантический порядок? Как отмечает Эндрю Монаган из Оборонного колледжа НАТО, «даже если расширение прекратится, Россия останется исключенной из евро-атлантических механизмов». Решение, таким образом, состоит в присоединении Грузии и Украины к НАТО, членом которой Россия уже является или вот-вот станет. В результате их вступление вызовет наименьшую геополитическую напряженность, а может, и вообще никакую. В более общих чертах, если членство в СНГ останется отделенным от членства в НАТО, европейские Восток и Запад останутся предметом неопределенно долгого геополитического раздела и борьбы за зоны влияния. Напротив, если НАТО откроет двери для членов СНГ, подобные линии раздела и сопровождающая их конкуренция, скорее всего, уйдут в прошлое. Такое развитие событий имеет прецедент: все члены СНГ уже сотрудничают с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» и Совета евро-атлантического партнерства.

**В-четвертых**, строительство общеевропейской безопасности вокруг НАТО обеспечило бы сохранение за Альянсом контроля над эволюцией евро-атлантического пространства. Альтернативные варианты – например, обращение к ОБСЕ или создание новой структуры – рассредоточили бы часть власти по другим институтам; это одна из главных причин, по которым члены НАТО без особого энтузиазма отреагировали на недавнее предложение Москвы о Договоре о европейской безопасности. Их реакцию можно понять, но понятна и обида Москвы на НАТО за игнорирование ее предложения, особенно учитывая, что Альянс не выступил с какими-либо вескими контраргументами. Доступ в НАТО для России и других членов СНГ являет собой как раз своего рода встречное предложение, которое позволит Альянсу сохранить ведущую роль в игре.

**В-пятых**, принятие России в НАТО помогло бы евро-атлантическому сообществу обратить внимание на то, что творится за его пределами. Несомненно, в самой Европе существует множество незаконченных дел, включая Балканы и Кавказ. Но на коллективные интересы государств, занимающих географическую зону, простирающуюся от Ванкувера до Владивостока, все сильнее влияют события, носящие глобальный характер, такие, в частности, как подъем новых мировых держав, терроризм, распространение ядерного оружия, изменение климата, кибер-атаки и международная преступность. В отличие от большинства традиционных европейских партнеров США, чья стратегическая ориентация обычно евроцентрична, Россия обладает более широким геополитическим кругозором. Москва – важный игрок в переговорах с Ираном и Северной Кореей по вопросу об их ядерных программах и имеет значительное влияние на Пекин. Россия – один из крупнейших в мире поставщиков энергоносителей. Она – влиятельный член ООН, «Большой восьмерки» и других многосторонних институтов. Одна из главных сложностей для Запада состоит в том, чтобы определить, как сделать подобные институты доступными для новых держав. Россия, как одна из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), может поспособствовать евро-атлантическому сообществу в его стремлении произвести необходимые усовершенствования, включая

расширение Совета Безопасности ООН и преобразование «Большой восьмерки» в «Большую двадцатку». Так, например, в июне 2009 г. Россия провела в Екатеринбурге первый саммит БРИК, что дает основание полагать, что Москва способна помочь в налаживании все более интенсивного взаимодействия Запада с новыми державами.

Таким образом, присоединение России к НАТО обещает дополнительный положительный эффект, выходящий далеко за пределы Европы. Предоставление России членства в Альянсе могло бы и завершить проект построения мирного евро-атлантического сообщества, и помочь подготовить это сообщество к многополярному и политически многообразному миру будущего.

Перспектива вступления России в НАТО вызывает три очевидных возражения: это все равно что пустить лису в курятник; это размоет Альянс и ослабит его солидарность; это скомпрометирует базовые ценности Альянса, который допустит в свои ряды недемократическую страну.

Несомненно, НАТО пойдет на стратегический риск, принимая в свои ряды государство, которое пока еще потенциально ей угрожает. Но еще большему стратегическому риску НАТО подвергается, исключая Россию из евро-атлантического порядка. Если же Альянс будет действовать предусмотрительно, то сможет свести все эти риски к минимуму.

Поначалу процесс будет развиваться медленно и осторожно. Брюссель начнет с того, что ясно даст понять свою благорасположенность к России. Так же, как привлекательность членства в НАТО помогла побудить страны Центральной и Восточной Европы к проведению политических и военных реформ, так и перспектива присоединения к НАТО сможет побудить Россию к восприятию тех стимулов и норм сообщества, которые в конечном итоге окажут влияние на ее политический курс и политические подходы. Как минимум, возрастет влияние Запада на Москву, а расширение обоюдных контактов поможет уменьшить взаимное недоверие. Сотрудничество рискует быть подвергнуто испытанию в самых различных сферах, включая контроль над обычными вооружениями и нераспространение ядерного оружия, противоракетную оборону, миротворчество, совместные военно-морские операции по борьбе с пиратством или торговлей наркотиками, а также кибербезопасность. Подобные инициативы не только повысят взаимное доверие НАТО и России, но и дадут Альянсу достаточно времени для осознания того, хочет ли Москва углублять сотрудничество и направлять его энергию на достижение общих целей.

Конечно, нет гарантии, что Россия ответит взаимностью на предложение Альянса и определит внутренние и внешние политические подходы, соответствующие будущему членству. Но и открытие НАТО доступа для Москвы едва ли будет необратимым. Пожелай Россия воспользоваться открывшейся дверью в Альянс, чтобы чинить ему препятствия – блокировать принятие решений, разжигать внутренние разногласия, продолжать практику силового поведения по отношению к соседям, и протянутую руку можно быстро убрать. НАТО с готовностью уйдет от обеспечения коллективной безопасности в Европе и вернется к обеспечению коллективной обороны против России.

Что касается тех опасений, что вероятное членство России скомпрометирует эффективность и солидарность НАТО, так ведь само расширение Альянса и увеличение числа его членов и без того размывают его. Если к 2025 г. НАТО будет включать в себя Россию, Грузию, Украину и несколько других стран СНГ, то число государств-членов вырастет почти до 40. Причем это будут страны совершенно разные по размерам, благосостоянию и военному потенциалу. Но какая разница – 40 или 30 стран НАТО? На самом деле уже 28 членов существенно размывают Альянс вследствие его теперешней величины и неоднородности. На последних саммитах наблюдались значительные расхождения по вопросу расширения, а также предоставления членства Грузии и Украине. Члены Альянса разошлись во мнениях о правомерности признания Косово. В Афганистане, надо отдать должное, НАТО несет тяже-

лое бремя. Но государства-члены берут на себя далеко не одинаковую ответственность и риски, а голландцы готовятся этим летом вообще уйти из Афганистана. НАТО уже является многоуровневым альянсом, в котором некоторые страны несут гораздо более серьезную нагрузку, чем другие.

Вследствие этого принятие в Альянс России только ускорит институциональные изменения, начало которым уже положено. Автоматизм и солидарность коллективной обороны уступают место более конъюнктурным и нежестким обязательствам по коллективной безопасности. И все же, несмотря на то что многочисленные примеры из истории Лиги Наций и других институтов коллективной безопасности дают основания для беспокойства по поводу такого перехода, преобразование НАТО – вопрос необходимости, а не выбора. Оставаясь традиционной, сосредоточенной на обороне территории, эта организация рискует постепенно стать геополитически нерелевантной. Но есть альтернатива стать более широким военно-политическим союзом, концентрирующим усилия на укреплении коллективной безопасности евро-атлантического пространства, и обеспечить себе центральное место в обозримом будущем.

Для этого НАТО следует разобраться со своим устаревшим принципом принятия решений на основе консенсуса. Это может послужить рецептом для избавления от паралича. Именно вследствие широкого разнообразия интересов, страхов и военных возможностей членов Альянса Брюссель имеет больше шансов на эффективные и своевременные действия, если приступит к созданию большинства по принципу коалиции добровольцев, а не на основе консенсуса. По той же причине может потребоваться принятие мер по изоляции слишком неуступчивых членов либо по приостановке их права на привилегии. Соответственно, НАТО должна перейти к более гибкой системе принятия решений.

Членство России помогло бы донести до всех важность обновления институтов и процедур принятия решений Альянсом. Если Россия вступит, Москва, скорее всего, воспротивится любому уходу от единогласного принятия решений. Россия ревниво оберегает свое право вето в Совете Безопасности ООН и настаивает на консенсусе в ОБСЕ. В ее проекте Договора о европейской безопасности предусматривается резолютивный форум, на котором решения «должны приниматься на основе консенсуса». Тем не менее России точно так же, как нынешним членам НАТО, придется привыкать к более сложному стратегическому ландшафту, в котором принцип коалиции добровольцев и более гибкие системы принятия решений, вероятно, станут жизненно необходимы для своевременных действий.

Наконец, принятие России и других стран СНГ в Североатлантический альянс, вероятно, приведет к тому, что в его состав войдут страны с еще не окрепшей демократией. Россия в предстоящие годы вполне способна пойти в демократическом направлении, особенно благодаря углублению связей с евро-атлантическим сообществом. Но даже и при благоприятном стечении обстоятельств демократизация наверняка будет медленной, в результате чего Брюссель столкнется с проблемой подходящего выбора времени. НАТО следует протянуть России руку как можно раньше. Определение ее места в евро-атлантическом пространстве – вопрос, не терпящий отлагательства. Если Альянс хочет своевременно начать процедуру принятия России в свои ряды, ему, вероятно, так или иначе придется заняться этим до того, как та станет полностью демократической.

Осуществимо ли принятие в НАТО недемократического государства? Это, безусловно, противоречит принципам «демократии, личной свободы и верховенства закона», лежащим в основе Североатлантического договора. Более того, по мере осуществления трех волн расширения в период после окончания «холодной войны» (в 1999, 2004 и 2009) Альянсом были выработаны условия, согласно которым вновь принимаемые государства не только должны быть демократическими, но и обладать рыночной экономикой, справедливо относиться к

меньшинствам и быть приверженцами мирного разрешения споров. Ни в одной из этих сфер Москва отнюдь не сильна.

Однако если НАТО примет Россию, это будет не первый случай присоединения к Альянсу недемократического государства. Португалия входит в число стран, изначально подписавших Североатлантический договор в 1949 г., однако она стала демократической только в 1974 г. Греция и Турция были приняты в ходе первого раунда расширения в 1952 г., но в последующие годы пережили политическую нестабильность, государственные перевороты и военные режимы. Во всех этих трех случаях принятие оправдывалось стратегическими задачами. Даже в официальных публикациях НАТО признается, что первые раунды расширения «происходили в период «холодной войны», когда решения диктовались в первую очередь стратегическими соображениями».

Не допустить Советский Союз на Запад в период «холодной войны» было, конечно, более насущным вопросом, чем принять Россию сегодня. Но потенциальная выгода от окончательного закрепления России в евро-атлантическом пространстве будет значительной. Партнерство с Москвой крайне важно, если принять во внимание широкий диапазон первоочередных вопросов. На самом деле ныне принятие России в НАТО внесет не меньший вклад в евро-атлантическую безопасность, чем в свое время членство Греции и Турции. Если их принятие было оправдано стратегическими соображениями, хотя они и не были демократическими странами, то наверняка то же самое применимо сегодня к России.

Более того, Португалия, Греция и Турция стали надежными союзниками по НАТО. На поверку оказывается, что совместные действия демократических и недемократических стран нередко приносят позитивные результаты. Соединенные Штаты и Советский Союз были надежными партнерами в период Второй мировой войны. В настоящее время эмираты Персидского залива – одни из ближайших союзников США, хоть и принадлежат к числу самых нелиберальных режимов мира. Хотя все нынешние члены НАТО – демократические страны, некоторые из них, например Румыния и Болгария, поражены безудержной коррупцией. В 2008 г. Соединенные Штаты поддержали

включение Грузии в процесс подготовки к вступлению в НАТО в то самое время, когда ее президент Михаил Саакашвили насильственно подавлял антиправительственные демонстрации и закрывал оппозиционные СМИ. Если Вашингтон готов обходить формальности, чтобы привлечь Грузию в НАТО, то он, конечно, должен сделать то же самое и в отношении России – стратегически гораздо более важной страны. Поскольку тип режима – это не очень хороший предсказатель внешнеполитического поведения, НАТО поступила бы мудро, выбирая своих партнеров на основе их внешней политики, а не в силу характера их внутренних институтов.

Воплощать в жизнь стратегию, направленную на принятие России в Североатлантический альянс, будет не менее трудно, чем осуществлять связанные с этим практические политические шаги. Барьеры высоки: каждая страна-член должна ратифицировать решение о принятии новых членов. А расширение НАТО уже доказало, что могут возникать довольно ожесточенные внутривнутриполитические дебаты. Надо сказать, что конфронтация между НАТО и Россией уже после окончания «холодной войны» в немалой степени является продуктом внутривнутриполитического давления. В Соединенных Штатах подозрительность в отношении Москвы среди внешнеполитических элит и политиков не исчезла, что заставляет их интерпретировать внешнюю политику России в агрессивном ключе. (Это предубеждение проявилось в начале российско-грузинской войны в 2008 г., когда, несмотря на неопровержимые свидетельства того, что военные действия начала Грузия, в США преобладала точка зрения, согласно которой Россия действовала как неспровоцированный агрессор.) Более того, особое внимание к расширению НАТО со стороны американских избирателей центрально– и

восточноевропейского происхождения обеспечило соответствующий политический климат планам расширения в 1990-х годах, а также во время более поздних раундов расширения.

В самой Центральной и Восточной Европе элиты и электорат будут упорно противостоять идее интеграции России в НАТО. Оппозиция в Западной Европе, где население (отчасти благодаря проблемам энергетической зависимости) чаще с пониманием относится к необходимости протянуть руку России, будет гораздо менее значительной. В самой России, где премьер-министр Владимир Путин и – в меньшей степени – президент Дмитрий Медведев помогали раскручивать маховик антизападного популизма, решение вопроса о членстве в НАТО потребует резкого изменения курса.

В Соединенных Штатах администрация Обамы прикладывает все усилия к тому, чтобы «перезагрузить» отношения с Москвой. Такая политика в случае успешного сотрудничества обещает помочь ослабить застарелую подозрительность в отношении России со стороны внешнеполитического истеблишмента США. Конгресс, вероятно, будет самым крупным камнем преткновения, поскольку способен воспрепятствовать ратификации договоров о контроле над вооружениями и противодействовать другим инициативам, необходимым для укрепления взаимного доверия между Вашингтоном и Москвой. Даже несмотря на то что конкретное стратегическое сотрудничество между НАТО и Россией могло бы помочь изменить соотношение сил на Капитолии, крайне трудно будет убедить Конгресс в выгодах членства России в Североатлантическом блоке.

Изменить отношение к России в Центральной и Восточной Европе еще сложнее. Для начала Брюсселю необходимо найти баланс между стратегическим сближением с Россией и заверениями в адрес своих членов в Центральной и Восточной Европе, что он остается приверженным обороне их территорий. В этих целях Альянсу следует провести военное планирование и маневры, необходимые для подтверждения нерушимости ст. 5 Североатлантического договора, которая предполагает коллективную оборону. От НАТО также должен поступить ясный сигнал Центральной и Восточной Европе, что сближение с Россией несколько не снизит бдительность. Брюссель тут же приостановит движение навстречу, если Россия будет упорно демонстрировать свои хищнические или эксплуататорские намерения.

Лидерам Центральной и Восточной Европы самим придется изрядно потрудиться, чтобы приглушить русофобию, которая продолжает оставаться движущей силой политики региона. Они должны будут внушить избирателям, что интеграция России в евро-атлантический порядок – это куда более надежный вклад в безопасность Центральной и Восточной Европы, чем противотанковые ловушки, истребители и ракеты класса Patriot. Независимо от наличия либо отсутствия натовского щита Центральная и Восточная Европа станет опасным соседством, если Москва останется по-прежнему отчужденной от Запада. Если Россия вступит в НАТО и разделяющие Европу линии исчезнут, то проблемы с безопасностью между соседними государствами резко сойдут на нет. Учитывая данную перспективу, страны Центральной и Восточной Европы заинтересованы в консолидации евро-атлантического порядка, включающего Россию, сильнее, чем любые другие члены НАТО. Да, сегодня трудно представить себе, что Польша ратифицирует решение о приеме России в НАТО в обозримом будущем. Но и в конце 1940-х годов не менее трудно было вообразить, что соседи Германии вскоре согласятся на ее включение в Европейское экономическое сообщество и НАТО.

Российским лидерам тоже придется начать готовить почву для нового дискурса о НАТО внутри страны. Вместо того чтобы изображать Альянс как инструмент агрессии, стремящийся взять Россию в кольцо, Москве следует начать открытую дискуссию о возможности НАТО послужить «зонтиком» для структуры панъевропейской безопасности. Устойчивое сотрудничество между членами НАТО и Россией помогло бы улучшить восприятие Альянса российскими элитами и населением. Россия давно стремилась присоединиться к междуна-



родным институтам – таким как «Большая восьмерка» и Всемирная торговая организация, – с целью повысить свое влияние и обозначить свою интеграцию в международное сообщество. Путин в начале своего президентства даже утверждал, что «не исключает» членства России в НАТО «на том условии, что будут учитываться интересы России, [а] Россия станет полноценным партнером». Наступило время напомнить Путину о необходимости держать свое слово.

*«Россия в глобальной политике», М., 2010, июль–август, с. 22–34.*

## ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

*Д. Мухетдинов, ректор Нижегородского исламского института, кандидат  
политических наук (Н. Новгород)*

Образование всегда играло огромную роль в исламе, так как именно выходцы из духовных учреждений становились опорой мусульманского вероучения, что, в принципе, характерно для всех конфессий. В связи с этим, начиная с эпохи перестройки, возникла потребность в подобных учебных заведениях, поскольку в Советском Союзе возможность получить религиозное образование была минимальной. Как правило, желающие обрести исламские знания вынуждены были выезжать в Среднюю Азию, где традиции мусульманского образования в какой-то мере продолжали существовать. Одним из самых известных религиозных учреждений того времени являлось медресе «Мир-и-Араб», расположенное в Бухаре. Именно там учились в свое время большинство сегодняшних имамов и муфтиев Российской Федерации.

Исходя из сложившейся ситуации, во многих российских регионах стали организовываться различные курсы по изучению ислама. Понимая, что подобные курсы не соответствуют современным требованиям и не отличаются высоким уровнем, часть молодежи выражала желание учиться за рубежом, где исламское образование стояло на порядок выше, чем в России и даже в среднеазиатских республиках. Одновременно с этим в крупнейших мусульманских центрах, таких как Казань, Уфа, Махачкала, Назрань, Нальчик, Москва, Нижний Новгород, были созданы учебные заведения более высокого уровня, получившие официальную регистрацию и лицензию.

Однако высшее исламское образование в 1990-е годы молодые российские мусульмане могли получить только лишь за рубежом. В основном они отправлялись для этого в вузы Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, ОАЭ, Иордании, Сирии, Египта, Турции, Малайзии, Пакистана, Ирана, Ливии, Алжира, Туниса, Марокко, Судана. Иногда российских студентов-мусульман можно было встретить также в Йемене, Индонезии, Ливане, Омане. В тот период десятки тысяч молодых людей из числа российских мусульман получили возможность выехать на учебу в исламские государства. Казалось бы, российский ислам получил в их лице надежный кадровый потенциал, благодаря которому процесс возрождения мусульманской религии пойдет чрезвычайно быстрыми темпами и рост религиозных и образованных людей будет происходить в геометрической прогрессии. Тем не менее процесс массового выезда молодых мусульман для учебы в исламские государства – процесс, не имеющий прецедентов в истории России, – не дал достаточного положительного эффекта для роста могущества уммы.

Попробуем обозначить некоторые особенности, которые повлияли на недостаточную эффективность результатов их учебы:

1. Слабый контроль за этим процессом со стороны мусульманских структур.

2. Из этой проблемы возникла следующая: полный разноречивый критерий студентов, отправляемых за рубеж. Для принимающей стороны – исламского вуза в мусульманских странах, критерий был только один – принадлежность студента к исламу. Это определялось на основе имени студента или имени его родителей. Вступительные экзамены для россиян в исламских вузах были либо простой формальностью, либо отсутствовали вовсе. Так среди российских студентов появилось значительное число людей со слабой и низкой общеобразовательной подготовкой.

Таким образом, зарубежное высшее исламское образование оказалось обесцененным таким подходом, при котором за рубеж поехали «все, кому не лень», процесс их отправки и обучения не контролировался, окончить вуз удавалось лишь единицам. Не менее важно и то обстоятельство, что практически ни с одним мусульманским государством у России не были подписаны договоры о признании дипломов друг друга. Следовательно, человек, отучившийся 5–7 лет в исламском вузе, не получал легитимные, с точки зрения российской юриспруденции, документы об окончании образования.

В 2000-х годах проблемами исламского образования озаботилась государственная власть. Она осуществила ряд мероприятий, направленных на унификацию учебных программ, ликвидацию радикальных идеологий из учебных программ.

Министерство образования и науки России во взаимодействии с вузами, находящимися в ведении Рособразования, и религиозными организациями – духовными (исламскими) образовательными учреждениями разработало и осуществляет на протяжении ряда лет (с 2005) комплекс мер, направленный на решение поставленных задач, путем создания системы подготовки специалистов по истории и культуре ислама. В силу различных причин объективного и субъективного характера такая деятельность стала осуществляться сравнительно недавно, а потому справедливо утверждать, что этот процесс только находится в своей начальной стадии. Тем не менее за последнее время проведена достаточно объемная работа, в которой принимают участие как органы исполнительной власти (Администрация Президента РФ, Министерство образования и науки РФ и др.), так и мусульманские общественные и религиозные деятели. Начата комплексная деятельность по восстановлению и развитию отечественной системы при мусульманских духовных и образовательных учреждениях. При системном подходе к этой работе в течение нескольких лет удастся осуществить подготовку лояльно настроенных кадров мусульманского духовенства, с которым можно будет вести конструктивный диалог. В свою очередь, это будет способствовать предотвращению распространения радикальных и экстремистских идей в мусульманской среде России.

Очевидно, что и само мусульманское сообщество не должно оставаться в стороне от решения обозначенных проблем. Более того, можно и нужно поставить дополнительную задачу к той цели, которую наметило для себя государство в вопросе исламского образования. Цель государственной программы понятна – подготовить государственных чиновников, которые будут так или иначе влиять на исламскую умму. Задача мусульманской уммы, на мой взгляд, должна заключаться в подготовке исламских деятелей, которые смогут так или иначе влиять на государство. Но до сих пор, несмотря на очевидный прогресс в деле развития мусульманского образования в России, остается нерешенным целый комплекс проблем концептуального плана. Среди них выделю следующие.

Совокупность исламских начальных, средних и высших учебных заведений по всей России до сих пор не сложилась в систему, несмотря на то что прошло практически 20 лет с момента начала религиозного возрождения. По-прежнему нет интегрированности ни по вертикали (по линии – начальное – среднее – высшее), ни по горизонтали (между вузами различных регионов).

Да, в области интеграции по вертикали Духовное управление мусульман Европейской части России ввело единый образовательный стандарт для начальных и средних учебных заведений, который был разработан Советом по исламскому образованию при Совете муфтиев России. Проблема в том, что ряд крупных медресе России расположен вне территории юрисдикции Совета муфтиев России. Кроме того, не везде после окончания медресе предусмотрена возможность продолжения образования в исламском вузе со 2–3 курса.

Относительно интеграции по горизонтали можно констатировать следующее. Казалось бы, первый шаг уже сделан – в ноябре 2007 г. был учрежден Совет ректоров исламских

высших учебных заведений России. 2 ноября 2007 г. на II Всероссийском мусульманском форуме в Москве с аналогичной инициативой выступил председатель Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин. Состоялось несколько заседаний Совета ректоров исламских высших учебных заведений России. Но концептуального видения, каким образом развивать высшее исламское образование в России, до сих пор нет.

В каком направлении необходима интеграция высших исламских учебных заведений в нашей стране? В данное время разработан и принят стандарт по образовательному направлению «теология» с квалификацией «бакалавр», первые выпускники уже получили диплом государственного образца. Но отсутствие необходимости утверждать единый стандарт по религиозным направлениям, по которым нет и не будет дипломов гособразца (так как эта сфера находится вне ведения государства), ведет к тому, что в каждом вузе религиозные образовательные направления, специальности совершенно отличаются, так же как отличаются и учебные программы. Таким образом, нет единых критериев оценки деятельности вузов с точки зрения качества. Проводимые олимпиады по арабскому языку и исламским наукам между представителями различных исламских вузов могут дать лишь косвенные данные по качеству подготовки выпускников.

Отсутствию интеграции способствует не только факт административного деления мусульманской уммы на центры (ИЦДУМ, СМР, КЦМСК), но и отсутствие единого понимания целей и задач деятельности исламских вузов. Так, в середине 1990-х был широко распространен подход, что исламские вузы – это кузница высокообразованных имамов, другими словами – религиозных деятелей. Такой взгляд на концепцию высшего исламского религиозного образования присущ функционерам из духовных управлений мусульман, муфтиям и сформирован в середине 1990-х, когда бурное строительство новых мечетей в крупных городах сопровождалось громадным кадровым голодом. К слову, эта позиция находила понимание в глазах руководства крупнейших исламских фондов и меценатов процветающих государств Персидского залива и обеспечивала приток спонсорских денег на обустройство данных университетов. Принципиально иной подход постулируют представители интеллектуальных кругов. Они считают, что современный исламский вуз должен готовить, прежде всего, мусульманскую интеллигенцию, которая одинаково осведомлена и в сфере так называемых религиозных, и в сфере светских наук, органично сочетает в себе обе идентичности (общегражданскую и мусульманскую) и готова работать как в мусульманских, так и в светских учреждениях – в области образования, госучреждениях, средствах массовой информации и т.п. Именно эти принципы были заложены в основу учреждения Российского исламского университета в Казани в 1998 г. (сформулированы академиками М. Усмановым и М. Махмутовым), и по большому счету именно конфронтация между этими двумя позициями привела к конфликту между учредителями вузов в 2006 г. Окончательного ответа, куда двигаться дальше, мы пока так и не услышали.

До сегодняшнего дня остро стоит вопрос о религиозно-правовой принадлежности тех или иных исламских вузов – нередко в стенах одного вуза работают и проповедуют соответствующие взгляды и знания представители совершенно разных богословских традиций и приверженцы разных мазхабов (преподаватели, обучавшиеся в России, Саудовской Аравии, Египте или Малайзии, имеют воззрения, принципиально отличающиеся друг от друга). По предмету фикха каждый преподает то, чему его учили в той стране, без учета местной правовой традиции. Именно поэтому и важна унификация учебных программ всех российских исламских вузов по основным религиозным дисциплинам – фикху, тафсиру и т.п.

В последние годы эта проблема привлекла к себе должное внимание руководителей региональных Духовных управлений мусульман, что на Северном Кавказе многие вузы названы в честь имамов аш-Шафии или Абу Ханифы – как явное свидетельство приверженности их мазхабам. Тем не менее за этапом декларации своей приверженности дол-

жен следовать этап масштабной научной работы по подготовке учебно-методической базы – прежде всего учебной литературы. В этом направлении Издательский дом «Медина» выпустил серию «Ханафитский фикх» (на сегодня издано 6 книг), издал один из самых современных тафсиров Корана на русском языке, выпускает еще многие наименования современной богословской литературы.

Президент России Д.А. Медведев на встрече с лидерами северокавказских республик и Духовных управлений мусульман региона отметил, что «бандформированиям по-прежнему удастся втягивать под свое крыло, в свою преступную деятельность молодых людей». Основным средством пропаганды здесь стал Интернет. При этом «если говорить о влиянии на умы экстремистских сайтов и нормальных сайтов, которые объясняют природу ислама, догматы, сайтов, которые существуют в нашей стране, то, к сожалению, это будет не в пользу такого рода сайтов, которые у нас созданы, в том числе и в соответствующих университетах... Мы никого не заставим отказаться от Интернета, и мы понимаем, что заблокировать такого рода экстремистские сайты мы не сможем». Действительно современные средства коммуникации без проблем проникают в каждый дом. Именно поэтому уже который год на сайтах [islamrf.ru](http://islamrf.ru) и [islamnn.ru](http://islamnn.ru) мы ведем пропаганду исламской догматики и моральных основ, стоящих как копьё в горле экстремистов. Конечно, хочется говорить всем приятные вещи, а не слушать угрозы в свой адрес. Но такова уж цена правды!

Основную же учебную нагрузку принял на себя сайт Издательского дома «Медина»: [idmedina.ru](http://idmedina.ru). Как известно, в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама были выпущены учебные пособия во многих вузах страны. На словах это звучит красиво. Реально же на выставках показывают чуть ли не единственный экземпляр, который, естественно никому не дарят, да и в библиотеках его не найти. Такой вот суперэкслюзив. У нас же Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова тесно сотрудничает с факультетом международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. При этом мы не только снабжаем своими учебными пособиями книгохранилища и коллег. Так, на [idmedina.ru](http://idmedina.ru) можно прочитать множество учебных пособий.

Проблема квалификации исламских вузов объективно является болезнью роста исламской системы образования. На сегодняшний день руководящий состав исламских вузов представляет собой два вида контингента.

1. Светские ученые, не имеющие религиозного образования, но имеющие научную степень и способные организовать учебный процесс в соответствии со стандартами высшего академического образования.

2. Религиозные деятели с классическим богословским образованием, совершенно не знакомые с традициями академической науки, не способные наладить образовательный и научный процессы.

Ситуация усугубляется еще и тем, что этот второй тип и по линии религиозного образования не представляет собой профессионалов высокого класса. К сожалению, из того крайне малого количества выпускников зарубежных исламских вузов со степенью магистра, проживающих в России, практически никто не работает в сфере высшего исламского образования (за очень редким исключением).

В целом очевидно, что самыми главными проблемами российских мусульман являются отсутствие единства и низкий уровень грамотности руководящих кадров. На этом играют различные внешние силы, которые стремятся приумножить разногласия в умме и поставить образовательный процесс под свой контроль. На самом деле эти две проблемы, как и все прочие, вытекают из другой, более значимой: финансовой несамостоятельности российских мусульман.

Изучая историю ислама, шариат и современный мир, легко прийти к выводу о том, что в действительности ключевыми проблемами мусульманской уммы России являются:

- отсутствие института вакфов;
- неработающая система закята.

Для преодоления этих проблем мусульманские организации России должны быть заинтересованы в самом широком сотрудничестве с исламскими государствами в деле развития вакфов, возрождения системы закята и объединения мусульманской уммы.

*«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве», М., 2009, с. 110–119.*

## ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ТАТАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

*Владимир Семёнов, кандидат политических наук (г. Саратов)*

Современная система этнополитических отношений имеет в основном светский характер. Тем не менее религиозные воззрения того или иного народа играют определенную, а иногда и весьма существенную роль как во внутривнутриполитической жизни отдельных стран, так и в развитии межгосударственных связей. Многие факты свидетельствуют о том, что в последних десятилетиях XX – начале XXI в. в России и в Татарстане исламский религиозный фактор становится важной составляющей этнополитической жизни. Государственная религиозная политика Республики Татарстан в современных условиях определяется, прежде всего, становлением и развитием государственности татарского народа. Как показывает мировой опыт, в процессе образования, становления или возрождения государственности необходима, наряду с другими составляющими, конфессиональная и психологическая общность, совпадение интересов населяющих страну народов, т.е. требуется наднациональная официальная идеология государства.

В Татарстане национальная официальная идеология основывается на следующих положениях:

- Конституцией РТ Татарстан объявлен государством, выражающим «волю и интересы всего многонационального народа республики» (ст. 1);
- татарский и русский языки признаны равноправными государственными языками Республики Татарстан (ст. 4);
- Республика Татарстан стремится к созданию национального капитала, не имеющего этнического «лица», и т.д.

В этом же плане следует рассматривать и отношение официальных органов Республики Татарстан к религии.

Официальная религиозная политика в многонациональной и многоконфессиональной Республике Татарстан определяется, прежде всего, Конституцией РТ, законодательством РТ о свободе совести и деятельности религиозных объединений. Так, в ст. 29 Конституции РТ зафиксировано, что «граждане Республики Татарстан в соответствии со своими убеждениями имеют право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой... Религия и религиозные объединения в Республике Татарстан отделены от государства».

В результате проведенного анализа государственно-конфессиональных отношений в республике автор выделяет несколько основных проблем, которые являются актуальными и злободневными.

Прежде всего, это вопрос мирного сосуществования в Республике Татарстан двух основных религий – ислама и православия. Анализ деятельности национальных общественных организаций, партий в плане их отношения к проблеме места и роли ислама в общественно-политической и культурной жизни татарского народа дает возможность ярче представить религиозную ситуацию в Республике Татарстан.

Национальное движение, по мнению академика И. Тагирова, председателя Всемирного конгресса татар, – «это различные формы деятельности, способствующие развитию и осуществлению национальной идеи, проникнутые заботой о всеобщем благе народа, открывающие перспективы к его независимости и суверенитету. Поэтому оно может включать в себя как деятельность отдельной личности, групп единомышленников, так и огромных многотысячных народных масс, выплеснувшихся шумными митингами и демонстрациями на улицы и площади».

На пути становления национального движения большая работа была проделана Татарским общественным центром (ВТОЦ). В программных документах, резолюциях съездов и пленумов ВТОЦ уделялось внимание и религиозному вопросу, так как основной целью организации являлось объединение татар, живущих в различных регионах и странах. Для достижения этой цели были необходимы сохранение татарского языка, пробуждение национального самосознания, единство религиозных убеждений.

В 1998 г. была подготовлена концепция национального движения, одобренная Казанским отделением ВТОЦ, изданная под названием «Низамнамэ» (концепция). В ней наряду с другими критериями национального движения рассматриваются место и роль ислама в возрождении государственности татарского народа, в достижении национальной независимости; подчеркивается особое значение религии в сохранении и развитии татарской нации, при этом упор делается на классический ислам; критикуется деятельность представителей духовенства – «кадимистов», которые призывают мусульман-татар не вмешиваться в политику; одобряется модернизация ислама с учетом исторической ситуации, местовременных условий; обосновывается необходимость наличия суверенного государства для свободного развития ислама в татарском обществе.

В 1992 г. родилась идея созыва национального парламента – Милли Меджлиса. Вокруг него объединились леворадикальные национальные общественные формирования. Во вводной части «Закона о Милли Меджлисе» наряду с другими общественно-политическими, культурно-просветительскими вопросами поднимается и вопрос религии. В частности, отмечается, что «в татарском обществе были подрублены корни ислама, в итоге пышным цветом расцвели бездуховность, безнравственность». В разделе «Статус Милли Меджлиса» указывается, что он обладает правом принятия законов и по вопросам религии, причем в «Обращении к Организации Исламская конференция (Стамбул)» говорится об «уважительном отношении и понимании проблем иных религиозных конфессий». 24 мая 1994 г. вторая сессия Милли Меджлиса выносит решение разработать Татар Кануны (Кануннамэ) – Свод законов татар, и 20 января 1996 г. Милли Меджлис его принимает. Как подчеркивается в Кануннамэ, основной особенностью татар является то, что это – «сообщество людей, признающих себя представителями татарской нации, говорящих на официальном татарском языке и считающих ислам своим духовно-нравственным, материальным и социальным смыслом жизни».

Бывшие лидеры радикального крыла ВТОЦ Рафаэль Мухаметдинов и Фаузия Байрамова создают партию национального типа «Иттифак», главной стратегической целью которой, по их мнению, является «в перспективе создание независимого Татарского государства в виде татарской республики». В программных и рабочих документах Партии татарской национальной независимости «Иттифак» религии отводится приоритетное место, что делает ее, в сущности, национально-религиозной партией. По заявлению председателя партии Ф. Байрамовой, «Иттифак» борется за будущее, независимость и счастье татарского народа, за возвращение татар в лоно ислама. «Независимость государства, – утверждает она, – дело рук нации, независимость нации – вера, религия!» Свое отношение к исламу партия «Иттифак» в своей программе определяет следующим образом: «Древняя культура татарского народа неразрывно связана с исламом. Необходимо создание всесторонней поддержки служителям и религиозным общинам».

В программных документах преобладал определенный прагматизм, направленный на первоочередное решение социально-экономических проблем, и, как результат этого, национальное движение не ощущало особой потребности в разработке национальной концепции и широкомасштабной программы по национально-культурному развитию. Возможно, определенную роль здесь сыграла подмена национальной идеологии общенациональной идеей – в данном случае идеей суверенитета Татарстана. В условиях кризиса радикальное крыло



национального движения вынуждено было искать иные идеологические установки для реализации своих политических целей. В поисках национально-специфического пути развития лидеры партии «Иттифак» и Милли Меджлиса обратились, в частности, к исламу.

В Кануннатэ предпринимается попытка соединения национализма как политической теории и практики с исламом, правда, не в его татарском, реформированном, а в классическом варианте. Такой подход можно рассматривать как стремление к созданию политической концепции, в которой некоторые установки ислама воспринимаются в качестве национальной доктрины.

Нужно признать, что такой подход является отнюдь не новым. В истории национальных движений национализм и ислам много раз выступали как мощные идейные стимулы социального века. Также это свидетельствует о том, что существует известная зависимость между уровнем осознания общенациональных интересов в народе и силой интеграционного воздействия религиозного фактора. Но одновременно из истории татарского национального движения начала XX в. известно и то, что религиозные доктрины с национальными программами и идеалами совместимы только тогда, когда они действуют в одном социальном пространстве и используют общие моменты в своих социокультурных основах, опираются на глубинные стереотипы сознания, где религиозная этика тесно переплетается с этнонациональными традициями.

Даже в программных документах первых общественных организаций религиозного направления преобладали принципы общедемократического характера, которые должны были создать условия для функционирования этих организаций и реализации их общеполитических целей. Логика такого подхода вполне объяснима: чтобы ставить какие-либо цели, необходимо иметь определенную правовую и политическую гарантию со стороны государства.

Исламская демократическая партия Татарстана была создана в 1991 г., но так и не вышла на политическую арену. Главными для партии оказались социально-экономические, политические и этнические проблемы, а не чисто богословские.

Из программных документов организаций и партий татарского национального движения в части отношения к исламу видно, что они различны по содержанию и типологии направлений. Можно выделить умеренное (Татарский общественный центр «Иман») и радикальное, внутри которого выделяются радикально-религиозное («Иттифак», Милли Меджлис) и радикальное крыло («Азатлык»), секулярное (ТОЦ) и антисекулярное («Иттифак») направления. Они также отличаются друг от друга по вопросу отношения к национальному суверенитету, суверенитету нации (Милли Меджлис, «Иттифак») и государственному суверенитету, суверенному государству (ТОЦ). Если ТОЦ придерживается идеологии регионального национализма, то «Иттифак», Милли Меджлис – идеологии исламизма.

Как показывает анализ документов общественно-политических организаций и партии «Иттифак», политика в Татарстане оказывает определенное влияние на ислам. Это еще раз доказывает, что любая религия не только выражает систему взглядов на мир, но и является социальной и политической силой.

В национальном движении по отношению к исламу можно выделить два крыла – радикальное и умеренное. Так, если лидеры радикального крыла татарского национального движения считают, что основу мировоззрения и политической культуры татарского народа должно составлять учение ислама, то для умеренных такой призыв является возвращением к кадимизму, к изоляции татарского народа от окружающей современной действительности. Лидер ТОЦ Рашат Сафин пишет, что сегодня требуется «дополнять религиозность идеями самоопределения, насыщать мусульманство татаризмом и подчинять воспитание целям свободы, укрепления государственности». Он считает, что «было бы неправильно путать земные дела с потусторонними» и понятие «народ» «смешивать» с понятием «религия». «Хотя

религия, – пишет он, – с географической точки зрения охватывает большую территорию, чем народ, она не может с функциональной стороны полностью удовлетворить запросы нации, ее интересы».

Продолжая свою мысль и ставя превыше всего интересы татарской нации, Р. Сафин утверждает, что «ислам является общечеловеческим учением, он вечен и универсален для всех наций. Однако, подобно другим религиям, ислам в практических вопросах (законах шариата) должен учитывать диалектическое развитие каждой нации, приспособленной к географическим и климатическим жизненным условиям в соответствии с достижениями цивилизации». Сафин отводит религии второстепенную роль на данном этапе развития общества. Он считает, что татарам в первую очередь «надо усвоить ислам в плане философских взглядов на вселенную, как источник культурного наследия предков, духовной силы нации и нравственных канонов».

Концепция «отатаривания» ислама подвергается резкой критике со стороны радикалов национального движения. Так, по заявлению Ф. Байрамовой, «сегодняшние татарские ученые смотрят на религию, в первую очередь, как на нравственно-философское понятие. По их мнению, религия нужна для воспитания масс, но с условием, чтобы она была приспособлена к существующему режиму, национальной жизнедеятельности, цивилизации. Поэтому они готовы загнать ислам в рамки “евроислама”, неустанно призывают к религиозным реформам – новому джадидизму, мечтают о национализации ислама». Акцентируя свое внимание на том, что «татаризм не сможет сохранить нацию от исчезновения, ассимиляции», она считает, что «спасти нацию можно лишь путем возврата ее к исламским законам, предписаниям».

Религиозное возрождение сегодня заметно и в области просвещения, что было связано с отсутствием у татар по-настоящему образованных теологов. Как отмечает Ф. Байрамова, в Татарстане из-за искусственно прервавшейся связи времен почти нет своих ученых, которые смогли бы на татарском языке дать объяснения каждой суре, каждому аяту, каждому слову Корана, приводя поучительные примеры из реальной жизни; служители культа не имеют светского образования, а у тех, у кого оно и есть, отсутствует религиозное образование. Поэтому для лидеров духовенства, национального движения, правительства республики вопрос религиозного воспитания и образования населения с целью формирования цивилизованного понимания ислама и обеспечения естественной преемственности в его исповедании очень актуален. В этой связи в Татарстане активно развивается сфера мусульманского образования, в мечетях организуются учебные курсы, действуют религиозные учебные заведения разных ступеней.

Кроме того, в общеобразовательных татарских школах, гимназиях, лицеях и колледжах в порядке факультатива введено обучение истории религии, в том числе истории ислама. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что мусульманское татарское духовенство, национальное движение, правительство едины в отношении к религиозному образованию, которое должно соответствовать духу времени и вносить существенный вклад в гармонизацию межрелигиозных и межнациональных отношений в Республике Татарстан и России в целом.

По справедливому замечанию и лидеров мусульманского татарского духовенства и национального движения, и ученых-исламоведов, современное религиозное исповедание в значительной мере носит у татар обрядовый характер, понимание значимости ислама с философской, социальной, экономической и нравственно-правовой точек зрения пока остается на втором плане. В этом аспекте деятельность религиозных учебных заведений имеет большое значение.

Анализ деятельности мусульманского татарского духовенства и национального движения на этапе возрождения ислама доказывает, что они подошли к исламу как к феномену не только религиозной жизни и религиозного мировоззрения, но и культуры, этничности, как к

серьезному фактору национального движения и политической борьбы. Лидеры татарского радикально-религиозного крыла национального движения национальные интересы обосновывают, в первую очередь, исламом, и их деятельность включает национальный аспект, но в его подчинении религиозному аспекту. В борьбе за суверенитет татарского народа они в определенной мере опираются на идеологию национализма, и в идеологии этого направления преобладают исламизированные формы национализма, идея единства татарского народа на основе религиозной общности.

Руководители РТ и татарского национального движения обращают внимание на необходимость подготовки мусульманских кадров у себя на родине, учитывая уникальность ислама в Татарстане, который должен продолжать традиции татарских теологов конца XIX – начала XX в. Хотя современное национальное движение и национальное самосознание татарского народа развиваются противоречиво, и в них есть некоторые негативные аспекты, в целом национальное движение и ислам в Татарстане отражают процессы демократизации и реформ в России, способствуют развитию татарской культуры и нации в условиях поликонфессиональной и многонациональной страны.

Проведенный анализ позволяет выделить различные группы по отношению к исламу: от политологов официальных властей республики до лидеров умеренного и радикального крыла национального движения. Основная идея официальных властей – татарстанизм, способный обеспечить межэтнический баланс в республике. Евроисламизм-джадидизм умеренного крыла может иметь перспективу, но в неопределенном будущем. Лидеры радикально-религиозного крыла национального движения ратуют за проникновение ислама в политику, преследуя главным образом честолюбивые задачи прихода к власти с помощью религии.

*«Власть», М., 2010, № 9, с. 108–112.*

## ДАГЕСТАНСКОЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В СТРУКТУРЕ КОРРУПЦИОННО-КРИМИНАЛЬНО- ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

*С. Слуцкий, политолог*

Формирование экстремистского подполья в республике связано со всем комплексом процессов политической, социально-экономической, идеологической и социокультурной трансформации РФ и Северного Кавказа в последние 20–25 лет. Каждое из данных направлений системной трансформации Российского государства сопровождалось масштабными социальными потерями, которые становились причиной аккумуляции в республиканском сообществе разнообразной конфликтности, наращивало протестный потенциал. Представим в общем виде эти конфликтогенные зоны в социальной жизни Дагестана, сосредоточенный в них протестный потенциал и их роль в формировании республиканского подполья.

**Область межнациональных отношений.** Дагестан, как известно, является самым многонациональным регионом РФ. Только титульных национальностей в республике – 14. Подобная «суперполиэтничность» практически исключает возможность бесконфликтного функционирования. Развитие в едином экономическом и социокультурном пространстве такого множества народов неизбежно сопровождается межнациональными противоречиями, имеющими ту или иную степень конфликтности.

Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. в Дагестане, как и во всех остальных республиках Северного Кавказа, связаны с быстрым подъемом национальных движений и ростом в обществе этнора-дикалистских настроений. Но показательно, что весьма обширный и разнообразный конфликтный потенциал, аккумулируемый в сфере межнационального взаимодействия республиканских народов не перерастал в прямое жесткое межэтническое столкновение, способное запустить механизм «эскалации насилия».

Свою роль играла ограниченность демографического потенциала крупнейших народов республики (аварцы и даргинцы составляли по переписи 1989 г. соответственно 27,5 и 15,6 % населения Дагестана). Соответственно ограниченными оказывались и их возможности по «этномонополизации» административного ресурса и престижных социальных иерархий. К тому же многотитульность Дагестана рассеивала межэтническую конфликтность по множеству направлений. В отличие от остальных республик Северного Кавказа межнациональная напряженность не формировала одной центральной оси, которая, как правило, пролегла между титульными народами одной или сопредельных республик (кабардинцы – балкарцы, карачаевцы – черкесы, осетины – ингуши). Конечно, в отдельных сельских районах и городах Дагестана такие проблемные межэтнические контактные связки могли возникать. Но и они, как правило, имели не две, а несколько сторон конфликта (например, противоречия между чеченцами-акинцами, аварцами и лакцами в Новолакском районе).

Характерно, что даже на пике этнополитической напряженности (начало 90-х годов), несмотря на громкие заявления, практические действия политических лидеров отдельных национальных сообществ Дагестана оставались достаточно взвешенными. Это, со своей стороны, существенно облегчало деятельность республиканской власти по удержанию республики в управляемом состоянии. Способствовало определенному смягчению межнациональных противоречий и закрепление в Конституции Дагестана принципа поддержания «этнического» баланса при замещении высших административных должностей (июнь 1994 г.). Как результат, при наличии в республике множества межэтнических конфликтов данная сфера социальной жизни не стала зоной аккумуляции значительного протестного

потенциала, ориентированного на террористическую деятельность. Этнорадикалистские настроения различных национальных сообществ, являясь взаимопротивовесами, в значительной степени нейтрализовали друг друга, не позволяя серьезно дестабилизировать ситуацию в республике.

Это в полной мере подтверждает мониторинг общественного мнения населения республики, проводимый на протяжении 12 лет сектором Кавказа Центра цивилизационных и региональных исследований РАН под руководством Э.Ф. Кисриева. Значимость («болезненность») проблемы межнациональных отношений на всем протяжении периода исследований достаточно существенно уступала соответствующим показателям экономики, коррупции, преступности. Согласно же последнему опросу (ноябрь 2009 г.) у проблемы межнациональных отношений зафиксирован самый низкий показатель за весь период наблюдения. Данная проблема волновала в конце 2009 г. только 17 % респондентов, тогда как проблемы коррупции – 58, преступность – 56, экономические проблемы – 54 % опрошенных.

**Социально-экономические процессы.** Первое постсоветское десятилетие в республике было связано с глубоким социально-экономическим кризисом. Сокращение промышленного и товарного сельскохозяйственного производства оказалось куда более значительным, чем в Большой России. При общем сокращении промышленного производства в РФ в первой половине – середине 90-х годов на 40 % в Дагестане оно составило 83 % (в 1998 г. в республике производилось 17 % промышленной продукции от уровня 1990 г., т.е. в шесть раз меньше).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.